

Как вершина польской средневековой поэзии определяется «Разговор магистра Поликарпа со Смертью» С. Вртель-Верчинским.⁶ Отмечая его большие литературные достоинства, подчеркивая его сатирические и юмористические элементы, С. Вртель-Верчинский в своей статье обращает внимание и на другую немаловажную сторону этого произведения — на яркое отражение в нем явлений польской общественной жизни и быта XV в. Своим содержанием этот стихотворный диалог явно связан с реформационным движением. Исследователь приводит примеры близости между «Разговором» и западноевропейскими «плясками Смерти», сопоставляет его с чешским «Диалогом человека со Смертью». Он усматривает отголоски гуситского движения в содержании памятника, но не делает определенного вывода. В сатирической характеристике «злого монаха» исследователь скорее склонен видеть черты не гуситского, а антигуситского движения.

Таким образом, С. Вртель-Верчинский связывает «Разговор Поликарпа со Смертью» с реформационным движением, отмечает отражение в нем в яркой сатирической форме волнующих явлений того времени, хотя и не уточняет, в защиту или в осуждение реформации создано это стихотворение.

На древнерусский перевод впервые обратил внимание С. О. Долгов, который в 1890 г. сделал доклад о нем на VIII археологическом съезде.⁷ Он охарактеризовал это произведение как один из вариантов «Прения Живота со Смертью» и указал, что оно некоторыми своими чертами близко к западноевропейским «пляскам Смерти», заметил, что в переводе «частые выброшены эпизоды, не идущие к цели душевной пользы». По мнению С. О. Долгова, это произведение попало на Русь через Польшу и Украину.

Наличие в переводе полонизмов и украинских слов отметил А. И. Соболевский.⁸

Текст древнерусского перевода «Разговора магистра Поликарпа со Смертью», который в переводе называется «Сказание о Смерти некоего мистра великого сиречь философа», впервые и единственный раз был издан в 1907 г. голландской исследовательницей А. К. Краузе ван дер Коп⁹ параллельно с текстом польского оригинала. Такое издание дает возможность наглядно сопоставить польский и русский тексты для уяснения характера перевода. В издании использованы все три известных списка древнерусского перевода. Краузе ван дер Коп, сопоставив их между собой и сравнив с оригиналом, определила список, ближе сохранивший первоначальный текст перевода, и положила его в основу издания, которое в целом выполнено достаточно точно (пропущена одна фраза, есть мелкие опечатки и отступления от рукописи).

Краузе ван дер Коп подчеркнула значение русского перевода для изучения польского текста стихотворения, так как в русском переводе сохранилось окончание, которое утрачено в польском оригинале. Это окончание учитывается и польскими исследователями для восстановления утерянного конца польского текста.

⁶ S. Vrtel-Wierczyński. Średniowieczna poezja polska świecka. Wrocław (1952), стр. XV—XXXIX (Biblioteka narodowa, № 60, seria I).

⁷ С. О. Долгов. Новый вид «Прения Живота и Смерти». — Труды восьмого археологического съезда в Москве, 1890 г., т. II. М., 1895, стр. 28—33.

⁸ А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. Библиографические материалы. СПб., 1903, стр. 234.

⁹ A. C. Croiset van der K o p. Altrussische Übersetzungen aus dem Polnischen I. De morte prologus, 1907, стр. 29—74.